

ЭТОТ ТЕАТР носит непривычное имя — «Д-34». Но оно не связано с техникой, как можно было бы подумать. Имя театра образовалось от первой буквы чешского слова «дивadlo» (театр) и даты первого сезона (1934). Сам основатель театра, замечательный чехословацкий режиссер Эмиль Франтишек Буриан, да и весь руководимый им талантливый творческий коллектив вкладывают в это краткое название еще и другой, более емкий смысл. Ведь «Д» — начальная буква чешских слов «дельник» (рабочий), «днешек» (сегодняшний день), «дав» (масса). Буква «Д» стала как бы своеобразным боевым паролем и лозунгом для театра, который с самого начала хотел сделать главным содержанием своей работы днешек — сегодняшней день нашей жизни.

Мог ли такой театр, возникший при ближайшем участии рабочих и прогрессивной интеллигенции, как театр революционный, новаторский, рассчитывать на официальное признание? В буржуазной Чехословакии он был гоним властями и преследуем цензурой. В годы оккупации Чехословакии нацисты закрыли театр, а самого Буриана бросили в концентрационный лагерь. Только после войны театр возродился к жизни, возродился под своим прежним именем «Д-34». Но в новых своих постановках он стремился становиться театром «Д-50», театром «Д-55», то есть активным соучастником своего бурного времени, своей эпохи. А слово «эпоха» в чешском языке, кстати говоря, тоже начинается с буквы «Д» (доба).

Живое чувство времени, вероятно, то главное, что отмечаешь на спектаклях театра, знакомясь здесь, в Москве, с талантливым коллективом, с острым режиссерским «почерком» бесменного руководителя театра Эмиля Буриана.

Его «Швейк», например, более энергичен и деятелен, чем это нам порой представлялось. Но именно таким и должны были увидеть Швейка люди, обогащенные горьким опытом двух мировых войн. Театр привлек не только неунывающий характер Швейка, его чисто народный юмор и здравый ум, перед судом которого проходят полицейские, чиновники, военные. — весь насквозь прогнивший строй Австро-Венгерской монархии. Театр «дочитал» роман, оборвавшийся со смертью автора на полуслове. В знаменитом герое Гашека он разглядел зреющий протест, дух активности. И это сообщило сценическому образу новые краски.

В «Опере нищих» Брехта с ее иронической, условной, подчеркнута театральная игрой все время слышится серьезный социальный, политический подтекст. В конце концов, условна только форма спектакля, но не самые отношения между его героями. То, что могло бы показаться фантастикой, преувеличением, отражает реально складывающиеся отношения между людьми в капиталистическом мире. Там есть и «элегантный убийца» Мэчиз, и «король нищих» Пичем, и шериф Браун — «тигр» Браун для жуликов помельче и «овечка» Браун для бандитов такого размаха, как Мэчиз. Там все продается и все покупается — любовь, честь, дружба. Продается единственная дочь

«Д-34» в Москве

Пичема красавица Полли. Продаются полиция и полицейские. Во всяком случае, они гораздо больше зависят от преступного мира, чем гангстеры от полицейских, потому что «короли» бандитов — столь же необходимая принадлежность капиталистического общества, как «короли» банков или «короли» угля, стали, нефти.

В романтической поэме выдающегося чешского поэта Виктора Дыка «Крысолов», которую Буриан впервые инсценировал и поставил еще накануне войны, театр тоже увидел проблемы, не утратившие свою актуальность и в наши дни. Старый, пришедший из средневекового конфликт таинственного Крысолова с погрявшими в корысти гражданами города Гаммельна осмысливается тут, как борьба свободного духом скитальца, мечтателя с тупыми и ограниченными филлистерами. В прямом смысле слова «Крысолова» трудно даже назвать пьесой. На первом плане тут философский спор, спор Фауста с Крысоловом — спор между человеком свободным, презирающим всякую сделку со своей совестью, спор с обывателями Гаммельна, со всем укладом их жизни, где даже любовь не может сохраниться незапятнанной. И наконец, спор самого театра с Крысоловом, с его философией индивидуализма и его отчужденности от общества, от людей. К сожалению, театру не удалось важный образ рыбака Йоргена, противопоставленного и Крысолову, и гражданам Гаммельна. Но несмотря на эту неудачу, благородная идея спектакля, та, что вдохновляла актеров и дала пьесе сценическую жизнь, вполне ясна.

Итак, мы познакомились с театром ищущим, беспокойным, гуманным по всей своей внутренней сути, всегда стремящимся найти для каждой новой работы выразительную театральную форму. Реализм «Швейка» — это как будто бы один путь; условная ирония «Оперы нищих» — совсем другой; символика «Крысолова» — третий. Сатирическая комедия Вацлава Климента Клицпера «Каждому по заслугам» вносит веселую стихию водевиля, а большой шуточный лубок «На ярмарке» — поэзию народных празднеств, национального народного театра, традиции которого всегда были близки Буриану. Но в разнообразных по жанрам и тематике спектаклях театра, в художественных, изобразительных приемах и средствах характеристики каждого отдельного образа, как и образа спектакля в целом, можно проследить главные, определяющие черты.

Сам Буриан, счастливо соединяющий в своем лице режиссера, актера, поэта, драматурга, композитора, всегда стремится создать зрелище целостное, синтетическое. Пластические и музыкальные образы здесь нередко дополняют слово, звучащее со сцены. Актеры поют и танцуют. Движения, жесты, мимика остры и выразительны. Поэтому в театре «Д-34» так интересны и немые сцены. Тут «паузы» не бывают пустыми, они наполнены действием. Вот в гарнизонной часовой солдаты весело наблюдают за тем, как пьяный фельдхукрат Отто Кац, закончив очередную «проповедь», неверными шагами спускается по крутым ступеням кафедры. Вот через сцену, под музыку, в каком-то сонном ритме движется с раскрытыми зонтиками длинная процессия к месту казни Мэчиза — общий парад всех участников «Оперы нищих». Вот почти распростершись на столе и торопливо звеня ложками, жадно угощается общество в пьесе «Каждому по заслугам». Такие сцены побуждали режиссера не ради демонстрации какого-то эксцентрического приема или удачно задуманного вставного номера. Тут заключен обобщенный образ спектакля, коллективный портрет его персонажей.

Оформление спектаклей в театре «Д-34» порой носит подчеркнута декларативный, полемический характер. В свое время Буриан призывал «подмести сцену», убрать с ее подмостков пышную мишуру, освободить от натуралистической ветши. В собственных своих постановках он добивается единого живописного решения спектакля, придерживаясь строгости стиля, лаконичности, обобщенности. В этом смысле, пожалуй, особенно интересен «Крысолов» (художник Владимир Нывалт). За легкой, прозрачной тканью, как бы в таинственной дымке веков, встают очертания готических соборов, суровых городских стен, силуэты людей, зачарованно следующих за волшебной дудкой Крысолова. Эти призрачные картины, созданные комбинациями света и теней, соединяясь с живыми людьми, с предметами быта, помогают создать тот «двойной» план, ту атмосферу сказочности и реальности, которая, по-видимому, отвечала общему замыслу спектакля.

В театре «Д-34» много хороших актеров. В первую очередь хочется, конечно, назвать некоторых исполнителей главных ролей. С большой внутренней свободой и естественностью, которая всегда является результатом глубокого проникновения в образ, играет Швейка

Сцена из спектакля «Швейк». Швейк — артист Франтишек Голар, доктор Ганс Гайнц — артист Владимир Брабец. Фото А. Ляпина

Франтишек Голар. Он по-швейковски простодушен и по-швейковски смешон. Но выражение глаз, лукавая улыбка, ловкий комический жест руки выдают того, другого Швейка, который гораздо больше понимает, чем это может показаться окружающим. Отакар Броусек в роли Мэчиза, как думается, удачно пародирует стандартный образ «очаровательного убийцы» из американских фильмов. Нарисованный им портрет насквозь ироничен. За исключением, пожалуй, одного: общественное положение Мэчиза, его «вес» в капиталистическом обществе — это уже серьезно. Вот почему, когда в тюрьме Мэчизу начинает казаться, что общество сумеет и впрямь обойтись без него, он и переживать начинает всерьез. Колоритный, гротесковый образ госпожи Пичем создает Зузана Кочова. Но и у нее в «Опере нищих» есть сцена, когда, исполняя песенку о матерях, она вдруг сбрасывает обычную маску, и мы видим уставшую от жизни, постаревшую женщину.

По-своему интересны и романтический Крысолов (Владимир Брабец), и свирепый шериф Браун (Феликс ле Бре), и умный, коварный Пичем (Карел Линц) и его своенравная дочь Полли (Виола Зинкова), да и другие исполнители главных и второстепенных ролей, имена которых нет возможности перечислить. Стоит хотя бы вспомнить сцену в больничном бараке из «Швейка», сыгранную с гашековским соленым юмором, где каждый эпизодический персонаж дает свой четкий и острый рисунок образа.

Можно было бы сказать, что броская, плакатная, внешне-ироническая манера вообще преобладает в театре «Д-34». На эту мысль наталкивают многие его спектакли, показанные в Москве. Невольно приходится пожалеть, что коллектив, умеющий так остро, по-современному осмысливать образы классической литературы и передавать черты народного характера, не познакомил нас с современным героем и современной драматургией в прямом смысле этого слова. Тут раскрылись бы новые стороны, новые творческие возможности театра.

Думается, такая встреча еще состоится!

А главное — главное в том, что на спектаклях театра мы как бы ощутили крепкое и дружеское рукопожатие чехословацких друзей, близко узнали замечательный творческий коллектив, о котором Буриан говорил, что он всегда чувствовал себя идущим плечом к плечу с Советской страной.

Б. ГАЛАНОВ

Литературная газета
1. Моонна

22 МАЯ 1958